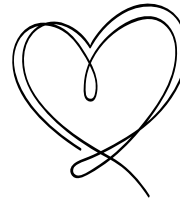


ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ЗАПРЕТНЫЕ ЧУВСТВА.
СЕНСАЦИОННЫЕ РОМАНЫ
ЭЛИЗАБЕТ О'РОАРК»:

Лето, когда мы пропали

ЦИКЛ «БРАТЬЯ ЛЭНГСТРОМ»

Пробуждение Оливии

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЭЛИЗАБЕТ О’РОАРК

Freedom
Москва
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-69

WAKING OLIVIA
Elizabeth O'Roark

Copyright © 2016. WAKING OLIVIA by Elizabeth O'Roark
The moral rights of the author have been asserted.

Художественное оформление *Анны Мирюк*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Lana Nikova, Ianisme, archetype, liansyahmora nasution, GelgelNasution, GSapphire, Larisa Rusina, AA Stocks, bamban heru cahyanto, stockvit / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

О'Роарк, Элизабет.
О-69 Братья Лэнгстром. Пробуждение Оливии / Элизабет О'Роарк ; [перевод с английского А. Евсюковой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (Freedom. Запретные чувства. Сенсационные романы Элизабет О'Роарк).

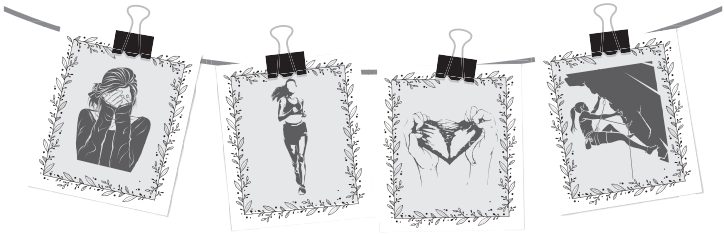
ISBN 978-5-04-200042-3

Жизнь Уилла Лэнгстрома полна забот, и появление проблемной студентки, которую перевели из другого университета, для него совершенно некстати. У Оливии острый язык и непростое прошлое, полное осколков болезненных воспоминаний и мешающее жить. Но девушка не примет помощь от самоуверенного, вечно недовольного тренера. И всё же Уилл не готов смириться с отказом. Он полон решимости спасти Оливию любой ценой… а также не поддаться влечению, которое может погубить их обоих.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-200042-3

© Евсюкова А., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024



Глава 1

ОЛИВИЯ

Сегодня мой первый день в новом университете, и я иду как на казнь. В этом нет ничего удивительного, ведь мне предстоит встреча с человеком, способным разрушить мою жизнь.

Первым делом я нахожу столовую, сверяясь с довольно паршивой картой кампуса, которую мне выслали в прошлом месяце. Всем легкоатлетам выдают план питания, вне зависимости от того, живут ли они в общежитии. И, учитывая, что последние три месяца я ела исключительно яйца и рамен, это, пожалуй, к лучшему.

Наполнив поднос едой, я сажусь за свободный столик. Омлет, овсянка и яблоко — вот завтрак, который ждет меня каждый день на протяжении всего учебного года. Для начала я принимаюсь за яблоко, молясь про себя, чтобы оно не вздумало совершить обратный путь.

Я уже знаю, что эта встреча ничем хорошим не закончится. То, что после инцидента в прошлом университете *хоть кто-то* решил меня взять, уже само

по себе невероятно и наверняка новый тренер скажет, что я зачислена с массой оговорок. В лучшем случае меня ждет серия предупреждений и угроз, в худшем — он выдвинет условия, на которые я просто не смогу согласиться.

«Они сами захотели принять тебя и даже предложили стипендию, — напоминаю себе. — Все пройдет не так уж плохо».

Но меня все равно мутит, сколько бы я это ни повторяла.

Факультет легкой атлетики расположен в огромном здании, которое возвышается почти над всеми прочими в кампусе — что отлично демонстрирует приоритеты Университета Восточного Колорадо. Наверное, я должна быть благодарна, ведь именно поэтому мне вообще дали стипендию.

Когда секретарь приглашает меня войти, на ее лице ни тени беспокойства — значит, она одна из тех немногих людей в мире студенческого спорта, кто еще не в курсе того, что я натворила. Большинство же смотрит на меня так, словно я какое-то бешеное животное или та ядовитая малазийская змея, после укуса которой вы теряете сознание, не успев пройти и двух шагов, а затем умираете.

Но двое мужчин, ожидающие меня в кабинете, — другое дело. Сразу видно, что вот они-то *прекрасно* знают, что произошло. В их взгляде еще с порога читается неодобрение — глаза прищурены, руки скрещены на груди, — из-за чего я уже начинаю закипать.

Сейчас неизбежно последует нотация, и мне придется ее выслушать, потому что у меня нет иного выбора. Питер Макьюэн (тренер, сидящий передо мной) — настоящая легенда, а в данный момент только легенда меня и спасет. Раньше меня называли *одаренной* бегуньей, благоговейно говорили о моем потенциале. Теперь же единственное, о чем все говорят, — как я чуть не загремела в тюрьму.

Но Макьюэну тоже нужна легенда. В УВК уже почти десять лет не было женской команды по кроссу с шансами на победу: вот почему они пошли на огромный риск, предложив мне стипендию.

Им нужно, чтобы я вернула свои позиции, почти так же сильно, как и мне самой.

Ради шанса работать с Макьюэном я готова изобразить раскаяние и притвориться, что мне жаль. Для Макьюэна — но никак не для второго парня, сидящего рядом с ним. Он едва ли старше меня и с такой внешностью должен позировать для обложки журнала Men's Fitness, а не торчать здесь с угрюмым видом. Он откидывается на стуле, сверкая голубыми как лед глазами, и у меня сводит зубы от самоуверенной улыбки на его загорелом лице. Я не против, чтобы меня поучал Макьюэн, но черта с два я стану унижаться перед этим типом. «Давай, ублюдок, продолжай сверлить меня своим взглядом. Увидишь, к чему это приведет».

Макьюэн встает и пожимает мне руку.

— Это мой коллега, Уилл Лэнгстром. — Он указывает на другого парня.

Лэнгстром тоже встает, но его глаза по-прежнему прищурены, а взгляд не стал ничуть доброжелатель-

нее. Он выглядит довольно угрожающе, возвышаясь надо мной и глядя так, будто на досуге я убиваю котят. А когда люди чувствуют угрозу, то либо сбегают, либо нападают в ответ. Угадайте, какой вариант про меня... Я с трудом сглатываю, стараясь не запаниковать.

«Держи себя в руках, — предупреждаю я, пока желудок предательски сжимается. — Тебе сегодня нельзя облажаться».

— Оливия, — кратко приветствует Лэнгстром.

— Зови меня Финн. — Я смотрю на него не менее враждебным взглядом.

«Мне вообще не сдалось твое одобрение, кретин».

— Уилл тренирует женскую команду по кроссу, — сообщает Макьюэн.

Сердце ухает вниз, и я ощущаю такое яркое смешение паники, гнева и разочарования, что даже не могу отличить одно чувство от другого. В основном я злюсь на себя. Неужели я действительно думала, что Питер Макьюэн будет тренировать меня лично? О равноправии полов болтают все кому не лень, но ни один вуз не отдаст заслуженного тренера женской команде.

А еще это означает, что мне и впрямь *нужно* получить одобрение Лэнгстрома, и он ясно дал понять, насколько это выполнимо.

— У тебя два года до выпуска, и лишь от вас двоих зависит, выйдет ли из тебя что-нибудь к этому сроку, — говорит Макьюэн.

Я недовольно переминаюсь с ноги на ногу: не могу сказать, что в восторге от фразы «выйдет ли из тебя что-нибудь». Я поставила три рекорда прохождения

трасс, которые до сих пор никто не побил — разве из меня уже что-нибудь не вышло? Черт, мне теперь до конца жизни придется доказывать, что я чего-то стою?

— Мы не будем обсуждать, что произошло между тобой и твоим товарищем в прошлой команде, — произносит он сдержанным голосом, от чего мои напряженные мышцы самую малость расслабляются. — Но, надеюсь, ты понимаешь, что здесь это не должно повториться.

Я киваю, скромно сложив руки на коленях. «Покажи ему раскаяние».

— Потому что мы не станем ждать, пока кто-то снова окажется в больнице по твоей вине: ты вылетишь отсюда при первом же намеке на агрессивное поведение, — предупреждает Макьюэн. — Это ясно?

«Не проявлять ни намека на агрессивное поведение? Нереально. Вы *уже* в шаге от того, чтобы увидеть один "намек"». Каким-то образом мне удается ограничиться еще одним кивком.

— Твои *внеклассные занятия* — совсем другое дело, — продолжает он. — Как известно, прошлый тренер уделял особое внимание твоим *индивидуальным тренировкам*. Здесь такого не будет, это понятно?

Я тяжело вздыхаю. Макьюэн понятия не имеет, что собой представляли мои индивидуальные тренировки на самом деле. Ему невдомек, что они были намного хуже, чем он думает; что при всем желании я не могла остановить этого человека... И поверьте, я пыталась.

— Понятно, — отвечаю я, скрипя зубами.

Макьюэн встает и сообщает, что даст нам с Лэнгстромом возможность переговорить с глазу на глаз. У меня пересыхает во рту, пока я провожаю его взглядом из кабинета, и только когда за ним закрывается дверь, неохотно поворачиваюсь к своему новому тренеру, которого уже чертовски ненавижу.

— Надеюсь, ты здесь не задержишься, — прямо заявляет тот. — Я не куплюсь на этот бред про «хорошую девочку, которая совершила ошибку». Ты чуть не убила человека.

Я отчаянно стараюсь сдержаться, разглядывая пол, стены — что угодно, лишь бы не смотреть на него. С усилием я все же беру себя в руки, от чего мои мышцы напрягаются; я концентрирую всю свою энергию на том, чтобы не взорваться. «Да пошел ты, пошел ты, пошел ты!» Почему я вообще должна слушать этого типа? У него широкие плечи, высокий рост — телосложение пловца или футболиста, а не бегуна. Я не стану указывать автомеханику, как менять масло, так с какого перепугу этот парень будет учить меня бегать?

— Мне любопытно: ты хотя бы сожалеешь?

Я сжимаю кулаки. Люди все время задают мне этот вопрос, но на самом деле ответ им не нужен. Они просто хотят напомнить, что я *должна* сожалеть. И мне жаль. Жаль, что я потеряла стипендию. Жаль, что мне пришлось уйти и что я больше не смогу бегать в первом дивизионе. Но я не жалею о том, что сделала. Когда вспоминаю Марка Белла с его самодовольной улыбкой и той мерзкой тенью в глубине глаз, мне довольно трудно сожалеть о содеянном.

Главное — не озвучить последнюю мысль вслух...

— Я не хотела, чтобы он так сильно пострадал, — бормочу я.

Это единственный правдивый ответ, который не выставит меня психопаткой.

— Вообще-то не очень похоже на раскаяние, — указывает Лэнгстром.

«Это и не раскаяние, придурок».

— Бегаешь ты дерьмово, — продолжает он. — В последний раз ты поднималась выше третьего места почти два года назад и уже три года не бегала милю за четыре тридцать. Ты сдала позиции.

Эта фраза звучит в моей голове каждый день.

— Я могу их вернуть. Мне просто нужно выкладываться на тренировках, — отвечаю я.

Он скрещивает руки на груди. У него действительно красивые бицепсы, что могло бы полностью меня отвлечь, будь у нас другой разговор.

— Ты обуза, и у меня нет никакого желания тратить на тебя время — которое я мог бы вложить в действительно талантливых спортсменок, — только для того, чтобы ты «выкладывалась». Но Питер что-то в тебе увидел. Он утверждает, будто ты неограненный алмаз.

Эти слова меня мгновенно успокаивают. Питер Макьюэн считает, что я — неограненный алмаз... Это чего-то да стоит.

Его губы сжимаются в тонкую линию.

— Я с ним не согласен.

Если бы я была умнее, то уже собирала бы вещи. Потому что совершенно очевидно, что один из нас должен уйти, и вряд ли это будет он.

На улице я замечаю троих парней, сидящих у кирпичной стены корпуса легкой атлетики.

— Эй, новенькая! — кричит один из них. У спортсменов дерзость развита сильнее, чем у населения в целом, так что они гораздо меньше боятся отказа.

Я останавливаюсь и оглядываюсь на них, перекинув через плечо свои темные волосы. Приятно знать, что как бы я ни облажалась, по крайней мере, одного у меня не отнимешь — моей привлекательности. Иметь шикарную внешность почти так же круто, как владеть суперсилой: это все равно что вытянуть карту «Выйти из тюрьмы бесплатно» и заставлять мужчин игнорировать множество моих недостатков, в том числе ужасных. А у меня их очень, очень много...

— Да? — Я вопросительно поднимаю бровь.

У всех троих появляются хулиганские улыбки, и самый смелый неторопливо выходит вперед. Он горяч. И, судя по его широким плечам, вероятно, футболист. Мне это нравится: худощавые бегуны меня не впечатляют.

— Так ты новенькая?

Я снова приподнимаю бровь:

— Я думала, мы это уже выяснили.

— Меня зовут Лэндон, — представляется он, и я внутренне вздрагиваю.

«Лэндон» — так должны звать кого-то из частной школы, одного из тех ребят, которые носят поло с розовыми воротничками и избивают одноклассников после уроков.

И все же он довольно симпатичный. Не то чтобы такие миловидные парни были в моем вкусе, но после нескольких банок пива мои вкусы становятся значительно шире.

— Привет, Лэндон, — бросаю я и продолжаю идти, ведь мужчины обожают догонять и добиваться.

И конечно, он бросается меня догонять. Они все так чертовски предсказуемы.

— Ты не сказала, как тебя зовут, — говорит Лэндон, поравнявшись со мной.

— А ты не спрашивал.

Он ухмыляется, совсем не смутившись:

— Так как тебя зовут?

Я уже готова закончить разговор.

— Финн, — отвечаю я, не замедляя шага.

Лэндон останавливается как вкопанный.

— Это же мужское имя!

— Я знаю. — Меня начинает это веселить.

— Я хочу, чтобы ты стала моей девушкой, Финн!

Ага. Это я тоже знаю.

Глава 2

УИЛЛ

Мне не нужна эта девчонка в команде.

Я это понял сразу, как только она появилась в кабинете Питера. Если бы на фоне заиграла музыка из «Челюстей», и то вышло бы не так зловеще.

Уму непостижимо, что Питер вообще ее пригласил. Ради бога, да она же избила члена своей же команды. Даже если бы ее талант это компенсировал, он проявляется с переменным успехом. Единичные эпизоды блистательности — а затем месяцы посредственных результатов.

— От нее будут одни неприятности, — говорю я Питеру, после того как она уходит.

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал отстраненно, пытаюсь скрыть силу своих эмоций, потому что даже я понимаю, что они выходят далеко за рамки разумного.

— Тебе в команде нужен лидер, — указывает тот. — Тот, кто заставит твоих девочек поверить, что у них есть шанс. Ради кого они захотят выкладываться.

Я устало вздыхаю. До меня тренером женской команды УВК двадцать пять лет был Питер, он известен по всей стране — нет, по всему миру! Он мог бы променять нас на первый дивизион десятилетия назад. В беге Питер — эксперт.

Но, господи, на этот раз он просто *не прав*.

— У нас есть Бетси, — возражаю я.

В ответ Питер только насмешливо фыркает: Бетси никому не нравится. Она высокомерна, любит над кем-нибудь поиздеваться и лишь ненамного быстрее других девушек, однако ведет себя так, словно уже звезда. И все слишком ее боятся, чтобы ей возразить.

— Ладно, но Финнеган? Серьезно? — продолжаю я. — Неужели ты считаешь, *она* способна поднять командный дух? Бетси в сравнении с ней просто мать Тереза.

— Ты когда-нибудь видел, как она бегает?

Я качаю головой. Я окончил университет на два года раньше, чем она поступила. Впервые я услышал ее имя несколько лет назад, когда Финнеган еще была первокурсницей и поговаривали, что она станет сенсацией. А потом эти разговоры стихли, и о ней все забыли, включая меня. Жаль, я не могу и дальше про нее не вспоминать.

— Она невероятна. — В голосе Питера звучит легкое восхищение. — Когда она действительно хочет, все остальные на поле выглядят будто в замедленной съемке.

Знаю, он думает, что эта девушка — возможность УВК вырваться вперед, и я признаю, что теоретически это возможно. Но просто не хочу, чтобы она была в команде, и точка.